

18+

Марина Тмин

ПРИВЕТ, ДОРОГОЙ
ДНЕВНИК, Я
ИЗ РОССИИ

Марина Тмин
Привет, дорогой
дневник, я из России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70734220
ISBN 9785006298439

Аннотация

Сборник стихотворений, в который вошли произведения за 2022—2024 гг. Контркультурная и оппозиционная поэзия о современной России. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ТГТ	6
2	7
3	10
4	13
5	14
6	16
7	18
8	20
9	22
эскиз	24
как проходят дни	26
женщины сильные	28
здесь – это где?	30
о равенстве	31
это день такой	32
экономика благодарности	33
говорит Москва	35
ещё хоть разок	38
молодость конечна	40
плюс один	42
гадание на кофейной гуще	44
кусоч любви	46
выбиться из системы	48

желто-серая песня крика	50
и кислород мешал	52
слово-граната	54
теперь	57
подойди поближе	58
голова – котёнок по имени Гав	60
Бастилия	62
насекомовое	64
нет, это не скотство	66
Д-а будет свет!	69
не привыкай к хорошему	71
намасте	73
хобо	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Привет, дорогой дневник, я из России

Марина Тмин

Обложка Марина Валерьевна Шалаева

© Марина Тмин, 2024

ISBN 978-5-0062-9843-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТТТ

1

человек навсегда остаётся светом, убийцы – тьмой.
пепел падает с сигареты, не до смеха. прострация.
когда вот так – был, и не стало,
а был же —
свой —
кажется, что не вынесешь.
но
нужно держаться.
держаться. что остаётся нам, далеким от космоса?
злость, опасная, точно пороховая бочка.
не тронь – рванет. жёлчь копится, копится, копится.
виноватого – в камеру-одиночку,
из сизо в шизо.
от «живого» до «жмурика» – тромб.
за четыре минуты новости разносятся по планете.
в голове взрываются сотни бомб.
и больше нет ни надежды, ни веры, ни даже света.
пришили оторванное, упаковали, переложили ватой,
огнеупорный человек в коробке из огнеупорной стали —
рассекает космос межгалактический шаттл...
полёт нормальный.

2

это нежное. так хочется думать. это вечное.
выбравшись из постели, дёргаешься под музыку.
лампочка с ослепительной мимолетностью разгоняет
нечисть,
живущую в голове. неподъёмный груз твой.
снежинки вертятся. а тебе-то – что? закипает чайник,
в утренней суматохе выделяются камасутрой
заряжающие движения. зарядка, товарищ начальник —
неотъемлемая часть удачного утра.
вера, надежда и честь, гражданин начальник —
вот и всё, если не считать слабоумия и отваги,
что имеется за осунувшимися плечами,
украшенными погонами из бумаги.
некрепкий кофе, скорее даже вода – для некрепких нер-
вов,
кривляешься, а за окном – метель бушует. выюга.
ночь нежна, и она останется первой
ночью, когда круговая порука замкнётся в круг, а
далее – тысячи тысяч таких же утр, изувеченных
снегом белым и кровью алой,
в бесконечной битве с бессмертной нечистью,
что мешает первыми добежать к финалу,
ленточку перегрызть... но пусть.

это всё – потом,
день только зародился, плывет бумажный
кораблик, и мы для него – глупые человечки, барахтаю-
щиеся за бортом.

ждём, что нам господин начальник теперь прикажет.
это вечное. так не хочется думать. ни о чем не хочется.
прыгаешь из утра вниз головой, расправляешь крылья.
выплывать, затерявшись в метели бессонного одиноче-
ства,

до скончания дней тебе, обломку космической пыли.
с кем говорить теперь отчаянно откровенно,
к каким вещам обращаться на вы и кому доверить
мысли,
журчащие в застоялых венах,
мысли, вылупившиеся едва, ещё не стеснённые перьями,
ещё не зажатые ни пальцами, ни щипцами,
без удушливых рук, сжимающих мертвой хваткой
горло, пока ты крутишься перед зеркалом, мнишь, что
царь,

но по улицам пробираешься бдительно и с оглядкой?
даже в кино идёшь, садишься в такси с опаской,
перчатки стаскиваешь с пальцев, косясь налево;
новые строки щеки воспаляют пунцовой краской,
пешки – с поля.

свободно ходит только белая королева.
ешь свой суп, и за то уже будь ему благодарен,

что стекает густой струей и теплится в пищеводе,
по сравнению с ним ты жалок, нелеп, бездарен,
тьма сгущается, овощи оживают и хороводят.
стулья – кривые призраки нотных грамот,
подкашивают колени. присядь, тебе не нужны проблемы,
и те, кого давно уже нет, скалятся с сотен рамок,
которыми украшал в порыве глухие пустые стены,
а теперь они смотрят из-под стекла на тебя с укором,
рюмки громяют, трясущимися руками
разливаешь пойло – забыться, мысли гремят, как скорый,
петляющий по железным рельсам
под облаками.

никому не расскажешь. молчи, и, желательно, будь дово-
лен.

таи возвышенное, сокровенное, не доверяй ни тумбе,
ни полкам, ни кактусу, ни даже вешалке в коридоре,
ни полу, что не ощущал ни вальс, ни фокстрот, ни румбу.
вздрагивай от резких звуков, покинув спальню,
рукописи сжигай, не занеся над ними карандаша.
опасность нынче воспринимается буквально.
и буквально – воздуха не осталось – нечем теперь дышать.

3

хлебом не корми – фуагра корми,
воспитай собак, как волков.
возводи алтарь, освящай альков,
высекай любовь на себе плетьюми.
веру высекай и патриотизм,
пой народный гимн, воспевай страну;
что лежит в крови, что идёт ко дну.
прямо в сердце – плеть, прямо в сердце – хлыст.
воспитай в себе патриота дух,
стиснув зубы – вой, жмурь глаза и жуй.
ананасов гниль запивай, буржуй,
обращайся в слух.
слушай этот бред. на тебя расчёт.
любит тот, кто бьёт,
кормит требухой, говоря, что мёд,
а ты рад, и просишь: мне ещё, ещё.
с радостью дают. волчьи зубы – клац,
клык на части рвёт.
отступать нельзя. путь один – вперёд.
вот тебе вино и противогаз.
месяц измеряется выпитым и прочитанным.
всё вокруг – возвышенно и пространно.
чувствуешь живым себя редко, и исключительно

в тёплых, солнечных странах.
мир – площадка для самопознания,
прогулок и разговоров,
игровое пространство для повзрослевшего заводицы.
существование соткано из ноутбука, матраса и коридора,
преодоление расстояний – результат усилий,
приложенных человеком с какой-то целью.
цель, как известно, оправдывает все средства.
и даже вытаскивание самого себя из постели —
досадное неудобство, ведущее к перемене места,
суммы слагаемых важных жизненных элементов.
(список становится день ото дня короче).
с треском прокручивается старая кинолента,
отмеряя время количеством многоточий,
а они – повсюду. живое обрывают на полуслове.
виснут паузы, в голове – ни единой мысли.
вытолкай хронос. танцуй абсолютно голым;
пей и читай. больше ничего от тебя не зависит.
обзорная точка с видом на море и чайник.
узкая площадка, на которой стол с половинкой стула.
в старую бутылку из-под вина воткнута толстая свеча,
отгороженная от сквозняков – как бы её не сдуло.
как бы меня не сдуло порывом ветра, что рвётся с юга,
влетает в комнату, шарится в ящиках по-хозяйски.
а в море – кто? рыба-меч, осьминог, белуга,
и туристы, радующиеся, что прогрелось, пусть мало-маль-

ски.

с визгами бросаются на водную амбразуру,
наблюдаешь и завидуешь счастью, пузырящемуся, кру-
жевному.

сам себя утопил, даже не приближаясь к морской лазури.
если бы можно было начать по новой...
можно?

мы теперь выходим из дома только по одному,
вечно поддатые, на мели, горластые и упрямые,
волны накатывают барашками, и назад – во тьму,
море становится с каждым годом все ближе к храму
по силе душевного очищения, перерождений и открове-
ний,

исповедуешься перед синевой, и всё тебе отпускают.
солёная вода вместо крови струится теперь по венам,
и пена даже в имени, не говоря о душе – морская.
только искренности и свежести на дне – крупницы,
утонул. и не можешь сам себя вытащить из болота.
чайки смеются над серьёзным тобой, ту-пи-ца! тупица!
жертвами своими порадовал хоть кого-то?
никто не рад. море в ослепительном блеске тонет.
разглядываешь его из бункера, находясь в отдалении.
но сердце улавливает тонкие колебания камертона.
и в радостном предвкушении опускаешься на колени.
прости нас море, прости, что мы простоту забыли,
растратились в пустяки, заблудились, ушли в рутину.
море прощает. оболочка трескается, желание восстаёт
из пепла и пыли.

и бежишь, оголтелый, волне навстречу, стряхивая паути-
ну.

5

не говори правды, за правду сядешь,
будешь сидеть, землю рыть, над землей лить слезы,
станешь удобрением – чудовищно милый садик,
но что в нем? навоз и розы. не говори, когда нетверезый,
не говори, когда в здравом уме или в светлой памяти,
не заноси над собой ножей, не вяжи петлю,
не устраивай митингов, мелодрам и драмеди.
проорись в чистом поле, бахни таблеточку терафлю.
не выпиливай себе гроб, не рой могилу.
правды не говори, вообще помалкивай в пустоту.
вылечи горло, вылечи голову. и сдохлой своей кобылой
в тишине сиди, шахматы разложи. время – под хвост коту
не мети.
поучись уму-разуму. правда – вымысел.
правда – выгода. у кого сила, тот знает истину.
не говори ничего, все равно тебя вычислят,
вытащат за ноги из постели, одеяло с тебя стянув.
уведут допрашивать глупого, несогласного.
кого поддерживаешь? откуда идеи? тебе-то какое дело?
замолчи, и будет все у тебя прекрасно.
так оппозиция пискнула и сгорела.
тихо!
что-то новое зарождается.

кто-нибудь примет роды?

нового не хотим. новое выбили, точно зубы, закройте гни-
лые рты.

время молчания. то, что было опиумом для народа,
стало бледным призраком по-настоящему торкающей
наркоты.

6

да хранит тебя боже, святая Русь,
не реви, не отчаивайся, не трусь,
я когда-нибудь бомбой в тебе взорвусь,
и на обрывках наших напишут новые, лучшие строки.
я за тебя волнуюсь, я за тебя боюсь,
как море-волнуется-раз, как восхождения на Эльбрус,
ты – непомерная сила, ты – неподъёмный груз,
и каждый ребёнок твой, грустный и одинокий
заносит меч над собой – харакири,
вносит выплаты по кредиту – в своей квартире
спрятаться и не слышать о том, что творится в мире —
проще простого. как это просто! ты можешь вообразить?
имя твоё звенит ключами в пустом кармане,
имя твоё перекрыто чужими кровавыми именами,
в тебе рождены. перестать быть нами —
так же горько, как и желанно.
связала нить
по рукам и ногам. разорвать бы путы,
забреду к тебе, я небритый, усталый путник,
припаду к тебе. слышишь – нас отстукивают минуты,
нам так мало осталось. давай навсегда простимся.
да хранит тебя, как говорится, пусть всяк, кто может.
сохрани мою тень, мой портрет, мою речь. да не множь их,

людоедов, тиранов, господ.

думаю о тебе – и мороз по коже.

до свидания, говорю. и во тьме утопает безграничность,
столица, провинции...

нам всем придётся лезть наверх по этому глубокому тоннелю,

карабкаясь по голым стенам, в кровь сшибая пальцы,
и повторять, как мантру, день за днём, неделю за неделей:
на дне бы не остаться. только б не остаться.

мы сами рыли яму. вот ключи, вот экскаватор,
потом борьба. ну да, любезный пасквиль.

гогочет добродушный узурпатор
и жмёт, и жмёт плоды осиротевшей
паствы.

я не творил, мне затыкали рот, в стихах перебивался
с больного на больное. вверх – на фашисткой mine
взмывали строки эмигранта, попаданца,
вливались в бурные потоки молниеносных линий,
молниеносных букв

с оттенком действенных причастий.

какая троица!

свобода, смерть и тюрьмы

за что боролись, то и получили. это – счастье?

бычком дымится тело, наспех сброшенное в урну.

в складской инфраструктуре нечему сгущаться,

нас свалят, чтоб не растеклись

гудком по проводам,

шатались бледные, озябшие предметы в диком танце.
и вояжер сигналил нам, сигналил нам, сигналил нам.
с утра наешься сигаретным дымом.
нам всем придётся лезть, кто виноват, кто прав.
несчастьем сплоченные, мы – горе-побратимы,
но проведи нас
сквозь тьму туда, где свет.
где гомон птиц и тихий шелест трав.

8

отбиваются чарльстончики на ограниченном квадрате паркета.

мир открыт со всех четырёх сторон.

закрывают глаза, чтобы не видеть света,

считают деньги, минуты, любовников и ворон.

а тогда старик-географ с лицом скитальца

с картой мира ураганом влетал. какие там были карты!

каким огромным казался мир,

расплескался, но так и остался – разложенным на поверхности школьной парты.

пляшут теперь под звуки дудок, виолончелей.

в небо звёздное хотелось ворваться с разведкой.

воображая себя космонавтами, визжали, когда взмывали качели,

мечтали: уедем, уедем, что это будет за кругосветка.

что там будут за перевалы и перекрёстки,

сплошной экстаз, головокружительные вершины,

выросли и осознали: не вышли ростом,

не добились стабильности и дохода. спутали следствия и причины.

зал наполняется музыкой, скрип паркета и тесность туфель,

а кругом – только впитывай и глотай – карусель событий;

зал охраняется суровым сторожем – пуфиком,
но минуйте его, перехитрите.

да посмотрите же вы вокруг, посмотрите!

возгласы и призывы минуют, смешат, щекочат,
равнодушные отмахиваются. оставьте, все это пошло.

если бы можно было иначе, мы бы жили иначе.

но забудьте, отдайтесь магии ночи.

маленькие естествоиспытатели, путешественники, глядят

из прошлого.

и горько плачут.

время больше не эфемерно – болит, не трогай.
 можно пощупать – не значит, что нужно щупать.
 надвигающаяся весна не облегчает, но скручивает бараньим рогом.

склоняешься над задачей, состоящей из пирога и супа.
 наблюдаешь, как по стене распускается чёрная плесень;
 время измеряется новыми плесневелыми отростками.
 февраль превращается в первый весенний месяц,
 и дышать становится не легко, но подозрительно просто.
 кислород насыщает мозг, эндорфином бежит по венам.
 грубая прямоугольность шероховатых стен
 заставляет угрюмо пялиться в потолок, ненавидя стены,
 ненавидя систему, утверждавшую, что она – либеральнейшая из систем.

и думать:
 если переиграть? отозвать ходы, время перевернуть?
 пожертвовать, например, слоном, в попытке пресечь бесконечный шах?

голову наполняет густая, едва различимая муть.
 время спрыгивает на стол, и стрелки нелепо топорщатся на часах.

время больше не эфемерно. вот кровь и плоть.
 садится напротив тебя, фигуры со знанием расставляет.

подкуривает и отсчитывает: «королева – четыре, пешка – год».

не на жизнь, а на смерть, не на смех, на годы твои...
играем?

вдали от дома человек человеку – брат,
каждый встречный – иное, но всё же – родное племя.
подымается грудь, как если бы был домкрат.
очень искренне: рад. я сердечно рад,
что столкнулись именно в это время.
время...

свой, чужой, дилетант, дезертир, предатель...
можно выдохнуть, взять «казбеги», экмек, перно.
над водой всех рек всего мира ногой болтать,
была бы такая профессия – ногоболтатель,
я бы работал без передышек, без всяких «но».
я бы человека разглядывал без конца.
слушал бы, как он без усталости говорит о том, о сем.
может, через годы не вспомним черты лица,
но
мы друг другу оставим зарубинки на сердцах.
просто так.
даже если никого этим не спасём.

ЭСКИЗ

это же можно все коротко и хлестко,
в двух словах набросать простой эскиз,
сбросить до заводских настроек, хвостик
кометы подоткнуть одеялом, под которым мордой вниз —
святая троица сливается в индивид,
человечишко становится расс-трое-н,
человечишко: «хочу – человечищем», говорит.
под роялем шалаш построил.
раскраивается и утраивается сознание, попеременно
утрачивается способность к аминю и на авось.
желание выкрикивается в ушную раковину вселенной —
чтобы наверняка сбылось.
если допустить,
что
пребывание в этом измерении окажется безальтернатив-
ным,
нам придётся справиться с несварением,
вызванным перебродившим пивом,
нам придётся самим покупать гвозди,
которыми – самим же – другим, что ли, делать нечего —
пристукивать себя к кресту, розы,
полынь, звезды, фонарь, кузнечики.
сколько там болтаться? сколько трясти головой,

не давая ей грохнуться, как когда засыпал в маршрутке
по дороге домой,
через перелески и вёрсты, через «смешно и жутко»
шёл, отравленный университетскими знаниями,
не спавший сороковые сутки, став инвалидом,
не сумев переварить столовское хрючево,
сам себя – по методу камбоджийского геноцида —
в землю живьём,
за неимением лучшего.

как проходят дни

день проходит примерно так: утром – кофе, пролистывание журналов, переведённых в формат электронный.

мне, конечно, нравилось больше, когда было пофиг, потому что по телевизору показывали Джимми Нейтрона. когда можно было тупить над тарелкой овсяной каши, не беспокоясь о приближающемся дне расплаты (сейчас представилось красочно: дерёмся, руками ма-шем),

но это просто деньги за проживание в съёмной хате. а раньше ведь не было подобных необходимостей. жил себе, помешивая чай в стакане, верил: тетечка, которая на экране, ведущая новостей, прячет за спину крылья ангельские, перья. раньше выходил во двор и не думал: сука, ну экология же! зачем вы бросаете бутылки и фантики? а девочка, живущая на третьем этаже, казалась богиней, нимфой, в нарядном платье. сейчас – узнавание новостей в приоритете, красивых картинок лихорадочное перелистывание. на дверной ручке – пакет, а в пакете ещё пакеты, голова забита подсчётами – сколько заплатят чистыми. гуси превратились в зарплатные отчисления —

один серый, другой белый, со всех – налоги.
за неумение жить моментом начисляют пени,
повышают процент за неспособность довольствоваться
немногим.

ЖЕНЩИНЫ СИЛЬНЫЕ

что подразумевается под моей физической слабостью?
что вы вкладываете в понятие силы?
утро отдаётся в теле приятной сладостью,
разливается и выписывается курсивом.
пишется что-то, упрощенное неприлично,
общеизвестное, как жи-ши, или же – дважды два.
щеки делаются цвета кирпичного,
трава по пояс, трава, как водится, мурава.
лодка по морю, лодкою правит женщина,
слабой женщине, да ещё и с пустыми ведрами,
нечего делать на корабле, кыш, деревенщина,
нечего раскачивать лодку своими бёдрами.
но в чем она, эта слабость? в привязанностях,
в умении откликаться на чужие раны?
может, за борт сигануть будет приказано,
может, обслужить на уровне капитана.
и с этим грузом, с этим багажом неподъёмным,
с мужем-алкашом и с дитем-инвалидом
в двадцатиквадратной квартире съёмной,
вы бы себя, спрашивается, вывернуть так смогли бы?
чтобы сплошные губы, чтобы краска будня,
ноктюрны на водосточных трубах и улыбаться.
объясняйте про слабость, я этот бред принимать не буду.

женщины сильные, а все прочее – профанация.

здесь – это где?

не робей, здесь не любят робких,
не молись, здесь не терпят набожных,
требования вылетают как шампанского пробки
на людьми запруженных набережных.
ты не вздумай врать, у нас здесь не врут,
не крестись, у нас так не принято.
с головой ныряй, точно рыба в пруд,
сорняком тебя вырвут, да пылью выметут.
не грусти, здесь для грустных – ад,
нос не вешай, нет у нас здесь крючков,
не смотри туда, нет пути назад.
не прикидывайся дурачком.
здесь раскусят враз, с потрохами суть,
здесь линейкой по пальцам – бам.
приходи скорей, тебя все здесь ждут,
оставайся с нами, покоряйся нам.

о равенстве

напиши, говорят, какой-нибудь стих о равенстве,
слышу это и чувствую – внутренний голос стих.
мы не верим в идеи схожести, баранами упираемся,
упорно и педантично предпочитаем не видеть их.
ну, родился ты в прошлом столетии, ты от этого лучше?
выше, сильнее, быстрее тех, кто из нулевых?
исключительность и гениальность – это особый случай,
это не про женщин или мужчин, не про старых и молодых.
это про смелость вместо вопросов о цвете кожи,
это умение не заглядывать в спальню и не учить.
мы в двадцать первом веке все ещё глупость множим,
если тебе не нравится, посмотри, пожалуйста, и смолчи.
да не делай ты выводов преждевременно,
если это тебя не касается, палкой не шевели.
нетронутое говно не воняет, в отличие от мнения
«самого умного» жителя Земли.

ЭТО ДЕНЬ ТАКОЙ

это просто день такой, это такой период.

хлебом меня не кормите (я не люблю хлеб),

дайте сделать ошибочный вывод!

и отстаивать своё мнение, вгрызаясь, точно лев.

это же не мы такие, это жизнь

несуразная,

как сложный уровень в тетрисе – не складывается, как
нужно.

субмаринами проплываем, выныриваем водолазами,

все, что надумали, тащим со дна наружу.

жизнь напоказ, вывернутость изнанок,

смотрите, мол, мы несчастные, уязвимые.

в составлении списка литературы, в корректуре гранок,
запутались, видим —

жизнь проходит мимо.

и давай догонять ее, куртка распахнута,

как до этого душа была – два бесполезных подвыверта.

сиганули через десяток лет одним махом,

но слово умерло и застыло у сведённого судорогой рта.

экономика благодарности

экономика благодарности перелилась через край,
от извечного «око за око» и «глаз за глаз»
вот два стула, говорят, теперь выбирай —
есть электрический, у него есть несколько фаз.
вот, говорят, получите и распишитесь:
вам повесточка, приходите в четыре тридцать.
совершенно незачем нервничать, чего боитесь?
разве мы позволим вам развалиться?
мы вас скотчем примотаем и склеим,
чтобы не разлетелись на палочки и на черточки,
знаете, мы всех, оказавшихся здесь, лелеем,
холодно — топим, жарко — откроем форточку.
жестко сидеть на стуле — возьмите мокрую губку,
подложите под ваше мягкое место.
бегать от нас, скрываться, было чертовски глупо,
контрпродуктивно и, в общем-то, бесполезно.
это же все сформировано на дружеских основаниях,
мы знали кого-то, кто до вас помог дотянуться,
слышали про принцип связи? жаль, не приняли во внима-
ние,
теория шести рукопожатий кого угодно преподнесёт
на блюде.
выбрали? ну что же, садитесь, поговорим,

только не слишком долго, у нас здесь живая очередь.

– вас немножечко потрясёт, готовьтесь, на цифре «три», вы расстроены?

– вроде нет, скорее – рассредоточен.

говорит Москва

Мам, у нас есть еда?

Да.

Мы можем поесть всегда?

Да.

Мы должны быть счастливы, нет?

Нет.

Мам, но у нас есть свет?

Есть.

И дырок в стене нет?

Нет.

К нам может прийти сосед?

Придёт.

Он мне что-нибудь принесёт?

Может быть, самолёт.

Мам, а есть у меня отец?

Есть.

А у него есть тесть?

Есть.

А у него усы?

Густы.

А кто на него похож?

Ты.

А у Сережки кот?

Два.

А на шее у него что?

Голова.

Значит, он человек?

Едва.

Но он ещё подрастёт?

Будет голодный рот.

А у нас с тобой есть вода?

Да.

Мам, а зачем я рождён?

Может, чтоб строить дом.

А у нас с тобой есть дом?

Ты же сейчас в нём.

Мам, на деревьях зелень.

Мам, а на небе солнце,

а под ногами – хлеба

крошки, их кинули из оконца.

Есть у людей хлеб, мам?

Есть у людей кров, мам?

Есть, где укрыться нам?

Бога ищут внутри, не идя в храм.

Мам, что такое бог?

он разве не одинок?

разве не претит ему

так долго быть одному?

мы составим ему компанию?

Может, запустим в плавание
кораблик бумажный и быстрый —
В ручей журчащий и чистый?

Мам, сколько мне лет?

Сто два.

Мам, а я в жизни кто?

Лишь из окошка вид.

Кто говорит? Москва.

А с кем она говорит?

ещё хоть разок

нас сносили как драйвера,
нас сносили как сапоги,
нас сносили носками, смотри: дыра
на безымянном пальце левой ноги.
нас выносили головой вперёд,
нас выносили, словно ворота (а дальше – ров),
нам было всё равно – черт его разберёт —
что говорили; там винегрет из слов.
нас листали, точно страницы книг,
нас листали как скидочный каталог;
вспыхнули в мгновение, погасли вмиг,
всего-то осталось: крестик и пара строк.
нас терпели, как терпят непослушных собак,
нас терпели, и мы становились терпким
вином.
все перетерпели. никто не скажет: слабак.
нас проредили, теперь мы редки. приём? приём?
набили чучела
(мы экспонаты). будем ёжиться за стеклом,
нас выставляли в музеях, выставили за дверь.
нас выжимали – тёплое и липкое отовсюду текло;
а дальше, спрашивается – что? вот что – теперь?
ничего. вот так всё и кончится, помотало:

швыряли, тыкали мордой, орали матом.
а нам /мазохистам/ даже этого было мало!
ребят, а давайте ещё?!
хоть разок!

...

ребята?

МОЛОДОСТЬ КОНЕЧНА

разбежаться и в жизнь нырнуть оголтело,
время дайверов и водолазов,
в дрожь бросает сухое тело,
вспыхнет, как костёр, этого мы хотели?
так бы и сказали сразу...
взметали транспаранты, махали плакатами,
надписями кровавыми: жить вечно!
собирались крышами пробираться покатыми,
быть молодыми, смешными, поддатými,
наслаждаться мигами и моментами. нечисть
тянула руки с пальцами переломанными, костлявыми,
в страхе разбегались голубями испуганными —
кто куда. пролетали над выжженными полянами,
над лесами, реками, городами, странами,
приближались к югу,
а там — среди туристов, сахарной ваты и кукурузы,
под шум прибоя, с шампанским и жареными каштанами,
жизнь ложилась на плечи не радостью, а обузой,
спор не стихал с измученной пьяной музой,
нас ловили. нам выворачивали карманы,
в которых огрызки карандашей, чек и салфетка
с номером телефона располневшей милфы,
что шутила и скалилась, невпопад, не метко.

вам обязательно скажут: «молодость задержим, вот золотая клетка»

это сказки. не верьте.
молодость конечна,
а остальное – мифы.

ПЛЮС ОДИН

вот и посчитай, говорю я, это же чистая арифметика.

четыре из пяти —

метко,

один —

метенько.

сколько раз ты бил в цель или где-то около?

сколько раз над тобой

Луна разбуженная заохала?

сколько раз орудовали веником и совком

над обломками разбитого сердца, не болевшего ни о ком,

кроме осточертевших нас, сколько раз — сколько

собирала заново все осколки

и сидела, в кровь растирая руки? подставляла спину

под плеть. шелковую кожу режь. с грузом вины — в вина,

я была живой примерно на половину (потом — на треть)

подошёл, сердце выхватил и унёс — в пыльный угол под

образину.

пули свистели, взрывы, и слово гранатой падало:

я никогда не сделаю больно. никогда не уйду. правда.

вот тебе крест, обещание, Родина и погост.

приходи навестить меня на Васильевский остров.

там, среди смерти, в окружении могил лютеранского клад-

бища

мы могли бы потолковать о беспричинно вечных вещах,
как ты думаешь? а никак не думаешь. ты ведёшь подсчёт,
вспоминай, выковыривай и вытаскивай – есть ещё!
сколько раз огромное, любящее, своей колкостью занозил,
сколько раз хватался, пыжился и не вывозил?
это же элементарно, Ватсон, справится третьеклассник:
один плюс один – любовь.
неверно.
возьмите ластик.
перепишите условия: один всегда любит горче,
в довесок к искренности – огненными стрелами – ночи,
в которых раскалённым прутком выводят в груди:
ты всегда один.
даже если ты – плюс один.

гадание на кофейной гуще

гадание на кофейной гуще.

мы были маленькими и слабыми.

нас обижали, но мы обижали пуще.

нас обзывали то сопляками, то бабами,

через ненависть проходило личности становление.

игнорируйте! не будьте жалкими

возьмите того, кому хуже. в землю втоптывайте самомнение.

перегибайте палки!

бей ногами мерзкую шваль.

заслуживает, не заслуживает – нам-то в радость!

ой, извините, теперь нам чертовски жаль,

но она, кажется, сама нарывалась.

она хотела. возмездия. секса. уйти с уроков.

мы проучили. мы показали замарашке место под солнцем.

мы просто шутим.

это игра такая.

разве это жестоко?

погодите, проревётся и рассмеётся.

нет?

бойкот, чтобы не жаловалась, не обижалась.

нечего распускать здесь нюни,

не дошло? не достучались? мало?

выходи на свет, подними кулаки. плюнем.

плюйте! ей так и надо. покажем, кто правит

миром!

спуску не дадим. мы за равенство и справедливость.

прожигают раскалённым прутом сквозные дыры

в душе.

да не обидно.

терпимо.

почти смирилась.

вопреки мы выросли в крепкую силищу,

[несмотря на] мы доказали всем, кто ломал нам спицы,

что мы заслуживаем любви, что мы важны.

и миру влетит ещё

за то, что мы стояли в тени,

за то, что жили в темнице.

кусок любви

безумие лоскутного одеяла. кусок любви,
кусок хлеба, крошки школьной унылой жизни,
солнечный луч, прознающий мыльные пузыри,
вдыхаешь, а под ними – жёлтого Кэмэла призрак.

целая пачка, привет, верблюд.

ты запомнил меня руки разрезающим вдоль тропин- (ок?)
мимо – марш – вереница пустых глазниц, несъедобных

блюд,

я как был тогда, так и остался теперь один.

таскался в бары,

лелеял письма – тщетно.

писал тому, кто не разбирает почерк...

в розовом пальто на острие парашюта —

маленький постовой. смотритель почты.

доставьте лентой обвитые руки, улыбку и жуткий ливень.

берега холодные, к которым причалил грозный

пароход/ледокол, по сводам линий

воссоздали, как в тот день восседали звезды

в мантиях, с подолами, с кривыми усмешками,

в руках зажимали коктейли без алкоголя.

на перроне – порыв, встреча взглядов. замешкались...

вот тебе воля, нужна тебе эта воля?

волосы к твоей щеке прилипали,

прорастали шелком, касались колени,
пальцы переплетались. ночь – цианистый калий,
а мы вдыхали [пьянство. разврат. дебоширство. лень]
так интимно! куда до этого поцелуям,
тем более – буйству плоти.
всё вихрилось, в воздухе – неизбежность.
вспоминай меня, вспоминай меня, котик.
мы были живы. смеялись во тьме крошечной.
поезд тащил, позвонками пересчитывал стыки
между рельсами только боль и гайки.
время выкипело, выбежало и ути'кало.
прощайте, камни, набережные в граните, прощайте, чай-
ки.

ВЫБИТЬСЯ ИЗ СИСТЕМЫ

но что мы могли бы сделать против, чтобы выбиться из системы,

чтобы свергнуть патриархальное, чтобы выжечь имена свои кровавым следом на спине истории?

замарали руки, замариновали, промаршировали роты,
план помещения – квадраты – стены,
шум в тесном актовом зале.

мы ошибались, но чаще мы были правы.
строили. нам мешали. но мы всё строили,
аве, Цезарь. аве, Мария, аве, кто там далее?

а далее – никого. выжжены пустыри,
после нас хоть пожары, хоть наводнения,
протесты – глупые отголоски прошлого,
в них не видно причин борьбы
и битвы следов не узришь.

против системы хилые руки были бессильны.
даже когда казалось – чуть-чуть, и свергнем,
нас подводили к плахе слепые поводыри,
нас оглушали. сбивали спесь, температуру и самомнение.
нужно было быть сговорчивей и осторожнее.
когда бы мы, разъярённые болью рабы,
промелькнувшие на желтых страницах книжек
не высывались, не мешали и не бесили...

но нас накрывало пенным волнистым гребнем.
и мы тонули, а что нам, в общем-то оставалось?
план никуда не годился, свыкались
с переменчивостью погоды и обстоятельств,
рвали волосы, смирителные рубашки,
воздевали руки и говорили: смотри – мы жалки,
скажи, что сделать, скажи, как и куда нам выйти,
объясни своим глупым детям, как прибиться
мусором к берегу опустевшему, чтобы было видно,
что мы старались? мы были слеплены как попало,
нас отдирали и отлепляли – гадко! цеплялись жадно.
нас отвергали. пилигримами убредали, ватность
ног. абсолютная темнота. почти не страшно.
просто тени, эскизы, брак, тупые кальки,
сделанные на отвали. бросай попытки
понравиться, исправиться. окунись в самобытность.
гумус просто тактичное обозначение кала,
вот какими мы представляли.
мы ничего не сделали.
ну и ладно.

желто-серая песня крика

жуткий голос.

слепцы

унылые

с лиц не сводят пустых зрачков,

разрываются между стонами

все небесно-земные силы,

злость на нас набегают волнами,

мы стоим под печалью голыми,

мы не помним свою любовь.

мы сутулые и горбатые.

мы кричим.

но наш крик

далек.

мы горим, только пламя синее.

не согреет и не растопит

в сердце тлеющий уголёк.

здесь не жизнь, это не утопия.

выходи! это кто там топает?

жжёт во рту спелость вишни-имени.

желто-страшное,

желто-серое.

мы калеки, уроды, воины.

горький сахар и шоколад.

обращаемся полумерами.

это способ криком нас наказать.

подойди ко мне.

подними на меня глаза.

притворимся, что нам не больно.

мы ненужные.

мы кричащие.

полон серого жёлтый день.

вместо нас скоро будет смерть.

в темной роще забилося чаще

сердце там, где нельзя смотреть,

раскололось всё. не забыть, не отнять, не спеть.

крик.

крик.

крик

проскользнёт,

разобьётся,

скроется

в тощих жилах

бездомных стен.

и кислород мешал

я делал вдох сквозь дым, и кислород мешал!
я маску выбирал —
скрывать
лицо,
сок проливался. ближе к ней на шаг.
на стол шагал,
в тетрадь, в конце концов.
ты похудела! восклицательный вопрос,
как заклинание в который раз
талдычишь,
иди в места, где был,
лети в места, где рос.
теперь ты слишком легкая добыча,
ты по привычке бесконечные бычки о кожу
неуемно гасишь;
о
кожу наших книжек,
и восклицаешь: боже, боже, боже,
и восклицаньем упираешься в себя. всё ниже.
и на последнем вздохе восклицание — как вой,
я знаю: ты всего боишься, но не стоит,
залезь в постель,
укройся с головой

и будь себе мерилом и покоем,
да не дрожи!
все, что случится – смерть и становленье лишним,
всё! переживали сотни раз, стук каблуков
конец пера с усилием отдерет от спелой книжки,
не вспомнишь. приходил, смутил и был таков.
погаснет мысль о грязной и лихой,
о нашей рваной, странной, долгой жизни,
где кто-то пишет нашей же рукой,
рисую приговоры афоризмам;
которых после в сито наберёшь,
беги с пустым, переливай в порожний,
беги и перекрикивай галдёж.
люби. целуй. имей,
но осторожней.

слово-граната

каждому, кто стремится к открытиям, необходима отвага,
существуя в рамках законов живописи
в общепринятых нормах,
общество ждёт вывешенного из окна пиратского флага.
да, оно не готово. да, оно привыкло к подножному корму.
функционирующей системе что станет эквивалентом?
чистой воды безумие, вызов, брошенный массам,
высеченное в скале «memento mori» и ежемоментные
пощёчины представителям

буржуазного класса.

если перевести на мысли – непонимание абсолюта,
сваливание в кучу, совершённое гребенкой.

один шаблон на всех. творец – это плут. жизнь – минута,
муза – баба, беременная поэтским
ребёнком.

и лицо у вечности опухшее с пятничной водки.

изменчивость – вот единственная константа,

всем поэтам всех континентов, в крике дерущим глот-

ки —

молодость.

слово-молот.

слово-винтовка.

слово-граната

всех прощаешь

всех прощаешь, желавших что-то с тебя иметь.
приходит баба. переставляет горшки на окнах,
признаётся, что её величают Смерть.

но не за тобой пришла.

просто что-то ей одиноко.

проверяет, на месте ли препарат,
пить который заставили не врачи.

жалуется, мол, так редко ей кто-то рад,
хоть смейся, хоть кричи.

лезвия вытаскивает из закровов,
ну порежься, говорит, клятву дай на крови.
мне для зрелищности.

я даже не вижу снов.

я не пью мартини. там – лёд.

у меня – бесконечное ОРВИ.

пыль укладывает слоем на стопки книг.

и хохочет: когда тебе их читать?

милая, будет стирка, глажка, водка и злой мужик.
будет всё как у всех.

сядь.

посиди у ног. я сплету тебе кошкину колыбель.

а лицо у неё – кратеры, пейзажем – Марс.

голос – скрипка. стонет. ревет метель.

никого здесь, милая, кроме нас.

я ко всем приходила. ко всем приду.

что сто лет одиночества против вечной смерти?
я расклеиваюсь – к собственному стыду.
я наивный верующий, в прошлом – скептик.
баба эта – черным черна.
а ты даже не думаешь прогонять.
в тебе бездна. совсем без дна.
молча двигаешься. Смерть ложится в твою кровать.
спи спокойно, милая, мне едва
удаётся дышать. куда тебя заберу?
по полу рассыпаются и разбрызгиваются слова,
прожигая в тебе
дыру.
так у всех у нас в будущем только мрак.
жуткое однообразие сонных дней.
Смерть приходит к тебе со скуки.
да просто так!
ты глядишь и своё отражение видишь в ней.

теперь

когда индивидуальное задушило совместность и массовость,
когда идиотизм задовлел над «хоть чем-то умным»,
выяснилось, что интеллект
торчит в голове как гвоздь,
мешает осовременниться. делает ожесточённым руно-
искателем. одиночкой в погоне за золотым руном.
кажется, умник красуется, но нет – его
шестерят и пестуют.
признаётся устаревшим всё, сделанное с умом,
на музейной полке отводят вроде почетное место,
но вы видели кого-то, кто теперь шляется по музеям?
кто отличает Ленина от Есенина?
рты разевают, увидев в интернете разглагольствования
Змея,
Змия-искусителя, с хвоста пожирающего Росею.
вот и все. сдохла интеллигенция, пшиком вышла,
в форточку вылетело образование – рваный воздушный
шарик.
раньше шевелить учили мозгами. развивалась головная
мышца.
теперь шевелят исключительно гарнитурной обвешанны-
ми ушами.

подойди поближе

переспелая слива тут черноплодной рябиной
свешивается с ветвей,
вроде ноябрь, но холода – вполовину.
делай, что хочешь. но не волочи с собой мертвечину,
более того – не пиши о ней.
подай копейку тунеядцу, пьянице.
за испуганным красным глазом – тоже людское.
сердце лупится в рёбра. с него не станется.
у пьянчуги в своём дворе – роль иностранца,
не знает местного языка, как не знает покоя.
зайдётся в кашле, проткнутый остановочным ветром.
проведи рукой своей щедрой бездельника,
дай ему состояться, артисту, в попрошайническом концерте,
дай рабу божьему протащиться в бою предсмертном,
добresti с опохмелом до понедельника.
думаешь, ты лучше? думаешь, никогда не ляжешь мешком на станции?
всякое бывает. сегодня – выше, а завтра – едва ли выжил.
вдруг случится казус, конфуз или ситуация?
попробуй хоть раз не гордиться, не возвышаться.
себя разглядишь.
свой народ разглядишь.

всё разглядишь.
подойди поближе.

голова – котёнок по имени Гав

сколько скоплено во мне чужих лиц и глав,
сколько фраз, диалогов и кутерьмы.
голова – котёнок по имени Гав,
голова являет собой некоторое подобие тюрьмы.
все в ней заключены, все, встреченные по воле
случая, в одиночных камерах, в профиль и анфас
сфотографированные. злые и недовольные.
закончившие или начавшие рассказ.
что важно: темница не запирается, не проглочен ключ,
уходили бы, я не держу ни наручниками, ни шантажом.
вроде бы нежничаю, не грублю, не мучаю.
зачитываю резолюцию, а они
кидаются с ножом.
вот и помни их, изрезавших в лоскуты,
а таких – большинство, воспоминания, как стекло,
приставляются к горлу, вспарывают животы.
красно. липко. что-то безжизненное утекло.

женское тело – самое искусное и искусанное из искусств.
тело моё – тряпка, разодранная быком,
выжженная, выжатая. расплескалась грусть.
обо всех. о каждом. о прожитом. ни о ком
не хочу жалеть.

голова отрывается, как редис,
совершенство,
сознанное во благо,
валится идохнет, всё, что питало
жизнь,
оседает
конденсатом в мертвецкой.
а что?
это тоже —
влага.

Бастилия

танцуйте – вот мое пепелище,
лежу никому не нужной Бастилией,
идите – вас здесь простили.

мёртвый мести не ищет.

живите – пойте жизни во славу
песни.

лежу

растерзанной Травиатой —

бейте! кромсайте падшего провокатора,
упавший не даст отпора: он слишком слабый.

да и не до того. похороните за плинтусом.

передайте: бабушка велела кланяться,
она просит прощения: с этой станции
не идут поезда.

здесь плюс становится минусом.

и в вечном минусе, на затерянной параллели,
не ищите моего пепелища,

здесь век забвения. забывайте нищих
духом.

хвойный лес теперь им – постель.

кутает и баюкает:

никто не придёт, лежите смирно.

лежу всеми ангелами, всеми женщинами!

ледники растаяли и покрылись трещинами.
всему жестокому и несправедливому
жизнь моя станет гимном.

насекомовое

день прошёл, и я уплыл в примитивизм.
это было очень просто. только вниз.
я запомнил навсегда, как страдать.
я пшеница или рожь? угадай!
если будем прыгать вверх – в потолок,
если выдвинемся в путь – узелок
на плечо, если ляжет снег – собери,
если хочется сказать – говори,
я горластый воробей – перья, пух,
в насекомости моей корни мух,
в голове моей сидит саранча,
всё сточила, всё сломала сгоряча
всё срубила, стало поле, где был лес,
я с тяжёлой головой наперевес
улетаю за моря, там – репит,
ты потрогай – там, где грудь, там болит,
я не помню, где я был, я шакал,
я не помню, где я жил, что искал,
я не помню, что я пел, опустел.
я не понял, как созрел, как вырослел,
шарик в небо отпустил, (я любил),
над обрывом посидел, поговорил,
сам с собой поговорил полчаса,

крылья вынул из мешка – стрекоза.
голос вывернулся пробкой из горла,
разгорелись и сожгли всё дотла,
расправлялись руки – я силач,
разминались ноги – на удачу
я подбрасывал монету и решал:
право, лево, берег, море, мир, скандал;
я молился и плевал с башен вниз,
я поплакал и уснул. вот и жизнь.

НЕТ, ЭТО НЕ СКОТСТВО

так пускай судят вас так же, как вы себе других позволяли судить,

сидя на своей колокольне, где вправо-влево – расстрел.

по праву рождения все равны. если вас это не устраивает – извините,

поищите себе другую планету, потому что здесь – разнообразие масс и тел.

то, что вам кажется мерзким – просто другая норма, с чего вы взяли, что ваше «не принимаю» имеет вес?

кто вам принёс «откровения» или «истины»?

это даже не спорно.

это так. это было и будет. это было и будет. и это есть.

закрывайте глаза, считайте болезнью, уродством, проклятием,

не понимайте. сколько угодно не понимайте.

идите лесом.

не возгордитесь. вы не лучше. вас просто больше. но тем, кого меньше, дайте

жить. вы – дети стереотипов и пропаганды.

вершина прогресса?

ха!

смешно...

до того смешно, что слёзы из глаз льются градом,
живот надрывается! насмешили!
людей запретили.

вы слышите со стороны своё средневековое «уничто-
жить надо

последнее, единственно настоящее, в сердце взрастившие
изобилие»?

откуда в вас эта склонность к расстрелам и геноциду?
как вы можете говорить: «только я нормален»?

откуда в вас жажда крови, откуда ненависть к индивиду?
мир не заканчивается в темноте ваших зажатых спален.

болен буллер, хейтер, абьюзер, алкоголик, убийца, насиль-
ник,

болен урод, который приходит в говнину и жену – головой
в батарею.

это вы принимаете? потому что классика?

что привычно, то сердцу мило?

идиот, поимевший ребёнка лучше тех, кого запретили?
не верю!

сидите, оправдывайтесь, что, мол, новые (новые???) вея-
ния

не совсем понятны тем, кто по жизни шагал убежденный

в расовом (и всяком другом) превосходстве,
просто вам не хватает смелости увидеть правду
(кто лучше немцы или евреи?)
пусть и вас отдадут под суд за то, что вы человек,
да приговорят вас к виселице.

разве это скотство?

Д-а будет свет!

Ы (И) стал свет Р-адугой мира,

Б-уди У-м песней Л-юбви;

Щ-астье Ы-щи...

да будет мир, да пребудет утро, застрявшее между скал,
ожог – поцелуй медузы,

дорога из желтого кирпича,

Карл у Клары украл коралл,

женщины, дети, голые бегают и кричат.

а у меня – смотри: в очках желтые стекла – видеть
солнце, которое ошпаривает, как кофейник;

а у меня приданое – старый видик,

проводом шею сдавливающий

ошейник.

разбудили, разбудиши, скажамиши: иди же!

иди, не ропщи, не страдай, не ной и не вой!

мысль копошится вшой, мы не любим вшей,

их выводить – как грязь – не черносмородиновой,

а чемеричной водой, стойкий запах с

липкостью баклавы.

солнце. сколько солнца! можно в лучах захлебнуться.

кружит жар остатки развалившейся головы.

Турция? ты нам приснилась, Турция?

никого, никого, никого!

никогда не слушай!

растревожь мир песней любви и радуг.

будь собой. будь верен себе. сердце знает лучше.

чистое счастье, без примесей, будет тебе наградой.

видишь: всюду оранжевые да голубые краски,

соскочить с трамвая и бежать к заливу – это уже мейн-

стрим.

от красоты ворочаешься, не можешь уснуть.

загребай новое, больше страсти.

живём! аларма! живём!

на счёт три!

не привыкай к хорошему

не привыкай к хорошему, как ты потом отучишься?
как ты забудешь, что жизнь тебя забрасывала подарками?
будешь перебиваться милостыней, вручаемой от случая
к случаю,

в сердце память храня о странах цветных и жарких,
как ты сумеешь вынести, сидя перед закрытыми окнами,
когда солнце уплывает за горизонт, когда звезды заполза-
ют на небо,

воспоминания о том, как был благосклонен рок,
какими плодотворными были земли, как много дарили
хлеба

как дорога искрилась и стелилась котёнком ласковым,
как улыбками окружённый здоровствовал, сам себя не пом-
ня;

не было нужды притворяться и душу скрывать за маска-
ми,

каким удивительным мир казался?!

удивительным и огромным.

так не привыкай к хорошему, уберись и помой посуду,
с искренним словом обратиться к тому, кто всех злат доро-
же.

в пору приходится строчка про то, как был счастлив здесь,
но уже не будешь,

и в гусиную кожу превращается измождённая человеческая кожа.

намасте

помолчи, говорят они, сгибаясь под натиском,
улыбайся, стирая руки, улыбайся, до дыр задраивая полы,
улыбайся, когда выводят тебя, как товар.

ты – украшение церемонии, мессы, праздника.

привыкай искусственно быть счастливой, чтоб избежать

молвы,

читай молитвы, знай своё место. поддержкой будь и опорой.

проси, чтобы бог услышал и послал плодотворное семя;

тихой будь, улыбчивой, скучной, глупой, истовой и покорной.

времени нет. это просто уловка. это злая шутка.

время —

пробел между очередным рождением. рожай почаще,

выбирай золотые горы и сладкие ароматы,

наслаждаться, творить и думать – харам.

притворяйся спящей,

легче пройдёт. ты отыщешь в себе желание.

но желание будет спрятано.

ледники растают, переполнится океан. но не с кем мириться,

потому что не с кем и ссориться, тише. будь тише травы,
не колышьяся!

прячьте слёзы, тела, несчастные прячьте лица.
салам алейкум, женщины, вас обманули,
но не будем об этом.
тише, тише, тише.

хобо

я всплывающий беззаботный хобо,
только что меня не было, но смотрите в оба,
паровозный гудок, щелчок, и – хоба!
я перед вами во всей красе.
я искатель золота и работ, я любитель хлеба,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.